*М.В. Смирнова**

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ: ДИСКУРС КАТАСТРОФЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье предпринимается попытка анализа различных практик определения социальной проблемы преступности. Обосновывается необходимость определения социальных проблем как процесса коллективной интерпретации социальных условий. На основании анализа выделяются различные стратегии проблематизации преступности, представленные в дискурсивном пространстве современной России.

В современной социологии, как и в смежных научных дисциплинах, представлено немало подходов к изучению проблемы преступности. Общим для многих из них является признание преступности как претендующей на роль социальной идеологии макрокатегории, включающей в себя множество различных социальных явлений, ситуаций и процессов, определяемых как проблемные.

Несмотря на то что преступность как социальная проблема является одной из наиболее «популярных», а как предмет изучения научного исследования – наиболее изученным видом девиантности, в современной науке не выработано «правильного» определения преступности, а распространенный критерий: «преступно то, что запрещено законом» является формальным, оспариваемым фактически всеми. Но за неимением лучшего данный критерий является, по сути, единственным рабочим критерием преступности. Изучая социальную проблему преступности, исследователи чаще всего обращают внимание на систему реагирования, нормы, которые можно нарушить, способы, которыми можно это сделать, демографические характеристики нарушителей, статистические показатели распространенности того или иного деяния. При этом конкретная социальная ситуация, да и человек во всей его индивидуальности остаются вне проблемы. Тексты по криминологии зачастую создают впечатление, что социальная проблема преступности – это либо проблема «неправильных» людей, либо проблема «неправильных» норм. В любом случае она четко локализована в «чем-то неправильном», в том, что по той или иной причине идет не так, как прописано в законе или заложено в человеке. Причем это «неправильное» словно контрасти-

* © Смирнова М.В., 2007

Смирнова Мария Васильевна – кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета.

рует с «нормальным», «принятым», «повседневным» взаимодействием и даже разрушает его.

Однако то, что определяется как дезорганизирующее в одной ситуации, в один исторический момент, в другой ситуации будет вполне соответствовать норме. Люди, как правило, определяют некое действие как противоправное, сопоставляя его характеристики с более абстрактными идеями «права», «нормы» и «противоправности». Именно в результате такого сопоставления и осмысления действие или практика наделяется смыслом. Поэтому «социальная проблема преступности» – это не только «дефективные индивиды», не только социальные условия: нищета, дезорганизация, но и определенная черта социального уклада, регулярно повторяющиеся в течение длительного времени социальные практики, в том числе и практики определения и переопределения реальности, а также смыслы, которые им придаются.

В рамках такого подхода к социальным проблемам исследователя будут интересовать не причины существования преступности и не особенности правонарушителей или ситуаций правонарушений, а реакция общества на данное правонарушение или сам факт существования норм, включая и правовые. Фундаментальные исследовательские проблемы, постулирует П. Бергер, «не преступление, а закон; не развод, а брак; не расовая дискриминация, а расово обусловленная стратификация» [1. С. 40-41]. И основными в данном случае будут следующие вопросы: каким образом преступность приобретает в обществе статус социальной проблемы, как этот статус поддерживается и изменяется, какими действиями и дискурсивными практиками? Другими словами, речь должна идти обо всех процессах, благодаря которым реальность конструируется и институционализируется в качестве социальной проблемы. Изучение появления и развития социальных проблем, с этой точки зрения, становится «способом, вскрывающим работу по социальному конструированию реальности» [2. С. 97]. В этой связи заметим, что данная статья не предполагает расстановки всех точек над «i» в столь сложной и масштабной теме. Автор видит своей целью лишь проблематизацию дискурсивного подхода к анализу социальных проблем, проблемы преступности, в частности. И в этой связи, если у читателя возникнет желание вступить в дискуссию, излагая свою точку зрения – считаем свою задачу выполненной.

Противоправность и преступность – это феномены, имеющие очень широкое распространение. Наиболее известными становятся самые тяжкие и часто совершаемые преступления. Противоправность и преступность, как и любой социальный конструкт, имеют под собой вполне реальную почву. И всё же частично они являются искусственными образованиями. «Ведь задержанный преступник именно в силу его ареста и существующих на этот счёт стереотипов представляется более ужасным и опасным, чем он есть на самом деле. Непойманный же и неизобличённый преступник выглядит в глазах общества лучше, чем он есть в действительности» [3. С. 342]. И именно субъективные оценки ситуации, даже не совсем адекватные, определяют реакцию на нее. Подчеркну, что специфиче-

ской субъективной оценкой ситуации является статистика правонарушений. Статистические цифры и показатели традиционно воспринимаются как сырые, необработанные данные. Однако они изначально встроены в некий смысловой контекст. Они уже «сконцентрировали в себе различные решения, предубеждения и практики» [4. С. 232]. Иначе говоря, статистические данные сами по себе уже являются интерпретацией ситуации, результатом общественного определения и признания. Поэтому, рассматривая социальные проблемы, имеет смысл анализировать социальные интерпретации предполагаемых условий и деятельность социальных акторов непосредственно направленную на конструирование социальной проблемы [5. С. 76].

Эта идея последовательно раскрывается конструкционистской концепцией, в соответствии с которой именно социальное признание дает жизнь социальным проблемам. Определение социальных проблем как простого отражения объективных условий не позволяет объяснить, почему одни условия приковывают к себе общественное внимание, определяясь как проблемы, тогда как другие, столь же пагубные или опасные, игнорируются и в качестве социальных проблем никогда не рассматриваются [6. С. 300].

Согласно такому подходу, социальные проблемы – это продукты процесса коллективного определения, смысловые конструкты, конструируемые и конституируемые в рамках соответствующих дискурсов. Особенностью социальных проблем, которые необходимо учитывать при их анализе, является то, что это смысловые конструкты, а не явления или процессы; они кем-то конструируются, а не существуют как данность; и, наконец, они конструируются в рамках определенных дискурсов. Дискурс представляет собой процесс взаимодействия всех существующих на данный момент в рамках интересубъективного мира смысловых практик. Эти практики не всегда будут исключительно вербальными. Любое явление или феномен социокультурного мира, включая отдельные действия, характеризуются соответствующим им набором смыслов и могут рассматриваться в качестве знаковой системы. Причем действия или социокультурные феномены не имеют заключенного в них самих смысла. Этот смысл придается данным практикам и предметам в процессе их осмысления наблюдателями или акторами. Но благодаря особенности восприятия человеком окружающего мира, выраженной в поиске устойчивых, четко определенных закономерностей, многие действия привычно связываются с некими смыслами. Поэтому не представляется возможным интерпретировать их вне данных значений, определяющих и объясняющих те или иные социальные практики.

Идеи не существуют сами по себе, они проявляются в вербальных и невербальных практиках конкретных людей, конституирующих проблему, и инстанциях, где реализуется дискурс. С этой точки зрения причиной возникновения социальных проблем являются не объективные, безличные социальные условия, а деятельность конкретных людей. С. Хилгартнер и Ч. Боск в этой связи предлагают вести речь о «публичных аренах» и функционерах – индивидах, совместно

или независимо друг от друга выдвигающих и стремящихся контролировать определенные проблемы. Функционеры свободны и могут, учитывая пропускную способность, воспользоваться любой «ареной» для продвижения «своей» проблемы [7]. Однако и вне арен акторы способны творчески переопределять, комбинировать заданные, очевидные смыслы, нормы и правила. Такая повседневная практическая креативность проявляется в разнообразных устойчивых выражениях, анекдотах, коммуникативных практиках. И все же лишь изредка акторы используют полную свободу создавать и отстаивать собственные смыслы или представления. В основном же используются готовые практики и значения, которые в том или ином виде уже существуют в интерсубъективном мире и представленные на публичных аренах в виде прекопструктов – очевидных для субъекта формаций дискурса [8. С.41]. Данные практики и значения становятся центральными категориями того или иного институционального дискурса.

Такой подход применим и к анализу дискурса социальной проблемы преступности. Являясь категориальным, он затрагивает такие социально значимые категории, как «норма», «закон», «право», «преступление», «вина», «система социального контроля», и включает в себя дискурсы различных институтов, определенным образом реагирующих на социальную ситуацию и тем самым конструирующим данную проблему. Он проявляется в юридическом дискурсе предназначенном для регулирования правовых отношений между субъектами социума, а также в таких дискурсах как политический, интенциональной базой которого является борьба за власть, а одним из средств этой борьбы – конструирование проблем, включая проблемы преступности; в дискурсе церкви, который через категории «веры» и «греха» участвует в оформлении проблемы.

Внутри общего дискурса социальной проблемы институциональные дискурсы различаются в зависимости от того, на какой аспект ситуации ориентирована деятельность института, и какая часть проблемы представляется наиболее разрешимой его представителям. Так, например, правоохранительные органы говорят об «общественной опасности преступлений», а правозащитные организации «о нарушениях в ходе следственных мероприятий» и «несовершенстве законодательства», социальные службы – об асоциальности, дезадаптированности правонарушителей. Таким образом, то, что со стороны может казаться единой социальной проблемой, в реальности институциональных дискурсов содержит множество противоречий. При этом внешний вид проблеме придают социальные акторы с достаточно высоким социальным статусом. Речь идет о тех людях, которые относительно защищены. В этой связи точка зрения наиболее часто вовлеченных и страдающих от противоправных практик маргинальных групп практически не имеет шанса утвердиться в дискурсе проблемы.

Но тогда любые декларируемые и даже навязываемые различными институтами нормы, правила и ценности сами по себе ничего не могут сказать о том, как и в какой мере они используются социальными акторами. Поэтому институты стремятся «включить» свои смысловые конструкторы в «повестку» повседневного

дискурса, т.е. сделать их привычными, не вызывающими вопросов и противоречий. В рамках повседневности дискурс социальных проблем проявляется в виде систем обыденных знаний и является частью первичных представлений о социальной действительности. Данные представления могут быть не связаны с реальными практиками правонарушений. Так, например, в повседневной жизни мы не воспринимаем преступность и систему реагирования на нее непосредственно на основании реальных поступков, действий, не обращаемся непосредственно к законам и нормам, а оперируем определенными смыслами, которыми эти действия и нормы наделяются. Впрочем, смыслы создаются в процессе интериоризации правовой концепции в целом, а также усвоения характерных для данного общества моральных норм и адаптации их к реальности каждодневного опыта. Другими словами, возникает intersubъективная нормативно-ценностная культура, характеризующаяся на уровне каждого конкретного индивида набором установок и диспозиций. Именно этот набор ценностей и диспозиций и определяет в большинстве случаев поведенческие практики конкретных индивидов, а также их реакцию на практики других людей.

Как и любая другая социальная проблема, проблема преступности – это часто противостояние разных интерпретаций ситуации, даваемых разными акторами. Поэтому релевантность и адекватность конструируемых в каждом конкретном случае смыслов – не только критерий информативности дискурса, но и проявление успеха одной из точек зрения в конкуренции различных интерпретаций.

Так, в рамках intersubъективного пространства смысловых практик современной России мною выделено несколько стратегий конструирования социальной проблемы преступности. Предлагаемая классификация была создана на основании анализа сообщений средств массовой информации за 2006 и жанровых цепочек (текстов, отражающих позиции основных институтов-функционеров, участвующих в конструировании социальной проблемы преступности: правоохранительные органы, правозащитники, служба социальной защиты). Основанием классификации стала общая ориентация дискурсов на проблематизацию или оповседневнивание предполагаемой ситуации.

Наиболее характерной для социальной проблемы преступности, на мой взгляд, является «обвинительная» стратегия, в русле которой происходит актуализация основной категории социальной проблемы: «преступности». Это и акцентирование пагубных последствий через связывание с категориями, обозначающими негативные социальные явления, причиной которых предположительно является преступность: «преступление» – «бедность»; «преступление» – «неравенство». Это и проблематизация ситуации через акцентирование внимание на масштабе явления: «толпы наркоманов», «стаи несовершеннолетних хулиганов». Еще один прием, относящийся к данной стратегии, – подробное, но упрощенное описание преступления как акта и «особенностей» преступника как его причины. Такая персонификация, характерная для процесса конструирования социальной проблемы преступности, в сочетании с акцентированием масштаба

явления расценивается как наиболее эффективный способ проблематизации [9. С. 296]. Наиболее характерно для данной стратегии манипулирование хорошо известными, традиционными фреймами, что во многом обусловлено механизмом институционализации социальной проблемы, связанной с ритуализацией практик, включая коммуникативные. В них появляются фиксированность формы и повторяемость содержания. Это означает, что информация об определенных противоправных практиках, уже получившая признание как значимая, будет чаще проявляться в общей конфигурации социальной проблемы. Так, например, на волне внимания к проблемам межнациональных отношений человек, совершивший правонарушение или подозреваемый, характеризуется указанием национальности. Да и сами события, которые будут освещены, подбираются таким образом, чтобы подтвердить концепт о естественной, обусловленной их национальной культурой агрессивности. Поступающая информация обрабатывается так, что действия или деятели, о которых идет речь, представляются крайне стереотипным образом. Такая стереотипизация, как правило, еще больше усиливает, драматизирует проблему.

Другая стратегия предлагаемой классификации («альтернативная»), используя схожие практики проблематизации, изменяет основной предмет дискурса социальной проблемы. На первый план выходят такие фреймы как «несправедливость закона» и «неадекватность системы социального контроля». Иначе говоря, конструкт «преступление» распространяется на сами практики закона и меняет свое смысловое значения с «нарушения норм и законов» (как в первой стратегии) на «нарушение моральных норм и естественных прав». Данная стратегия, как и «обвинительная», относится к проблематизирующим, то есть предполагает однозначную дисфемизацию денотата, гиперболизацию отрицательных его аспектов.

Вместе с тем в дискурсе социальной проблемы может проявляться и тенденция преуменьшения степени негативности явления – эвфемизация. Эта тенденция наиболее полно воплощается в стратегиях, названных мною стратегиями оповседневнивания, первая из которых – «атрибутивная» – акцентирует внимание на том, что практики, определяемые как противоправные, являются вынужденными в данных социальных условиях и в некотором роде типичными. Здесь проблематизируются многочисленные причины противоправных действий, а сам актер предстает как жертва обстоятельств. Лейтмотив данной стратегии: любой человек может оказаться в ситуации, когда понадобится прибегнуть к противоправным практикам. При этом сами практики начинают расцениваться как относительно функциональные: например, коррупция в России как «единственный механизм разрешения конфликтных ситуаций в бизнесе».

К стратегиям оповседневнивания в дискурсе социальной проблемы преступности относится и стратегия, которую можно обозначить как «трансформационную». В русле данной стратегии конструирования социальной проблемы преступность представляется как предмет гордости, и даже как «национальная особенность» русских. Противоправные практики получают такие интерпретации, как проявления свободо-

любия (отказ подчиняться системе контроля), справедливости («самим взять, что нам положено»), ума или хитрости, силы. Замечу, что данная стратегия характерна не только для дискурса субкультур, но и в целом для публичного дискурса в целом.

Приведенные выше стратегии, несмотря на то что могут сочетаться в рамках отдельных дискурсов, ведут либо к проблематизации, либо к оповседневиванию восприятия предполагаемого условия. Но наряду с ними, на мой взгляд, возможна и смешанная стратегия, которая одновременно и проблематизирует противоправные практики и депроблематизирует состояние преступности в целом, так как акцентирует внимание на относительной контролируемости этого явления. Успокаивающим лейтмотивом этой стратегии является обращение не к крайним проявлениям преступности, а к наиболее типичным ее проявлениям; и в дополнение к этому – постоянное акцентирование внимания на готовности системы контроля отреагировать на любое противоправное действие.

Все интерпретации образуют единую социальную концепцию проблемы, которая и будет определять дальнейшую судьбу как самой проблемы, так и отдельных институтов и акторов, связанных с ней.

Таким образом, необходимо вести речь о двух типах стратегий осознанного и неосознанного конструирования социальной проблемы преступности. Первая из них характеризуется стремлением определить преступление как нечто необычное, разрушающее повседневность, как поступок или поведение, с которым невозможно смириться. В дискурсе социальной проблемы преступности в современной России отражается стремление к наведению «порядка» любой ценой, даже допуская высокий уровень институционального насилия. Вторая делает акцент на оповседневивание противоправных практик, которые благодаря распространенности насилия, обмана, мошенничества становятся привычными и ожидаемыми и вписываются в систему норм повседневной жизни. Более того, можно говорить о принятии на уровне конкретных людей некоторых видов правонарушений: мелкие кражи «государственного» имущества, взятки. Такие правонарушения одновременно расцениваются и как нарушения прав или моральных норм, и как «необходимые для выживания в наше время». Сочетание данных стратегий в дискурсе и создает окончательный облик социальной проблемы.

Библиографический список

1. Бергер, П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива / П. Бергер; пер. с англ. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
2. Предмет социологии и социальная проблема // Р. Ленуар [и др.]; пер. с фр. под ред. Шматко // Начала практической социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 77-144.
3. Шнайдер, Г.Й. Криминология / Г.Й. Шнайдер; пер. с нем. под общ. ред Л.О. Иванова. – М.: «Прогресс» – «Универс», 1994.
4. Downes, D. Understanding Deviance: A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. Revised second edition / D. Downes, P. Rock. – Oxford: Clarendon press, 1995.

5. Spektor, M. *Constructing Social Problems* / M. Spektor, J.I. Kisuse. – Hawthorne; NY: Aldine de Gruyter, 1987.
6. Blumer, G. *Social Problems as Collective Behaviour* / G. Blumer // *Social Problems*. – 1971. – Vol.18. – P. 29-306.
7. Хилгартнер, С. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / С. Хилгартнер, Ч. Боск // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – С. 18-53.
8. Серио, П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса; пер. с франц. и порт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12-53.
9. Loseke, D. *How to Successfully Construct a Social Problem* / D. Loseke // *The study of social problems: seven perspectives* / Edited by E. Rubington, E. Weinberg. – N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Статья принята в печать в окончательном варианте 24.08.2007 г.

M.V. Smirnova

**SOCIAL PROBLEM OF CRIMINALITY:
DISASTER AND ORDINARINESS DISCOURSE**

In the paper various practices of social problem of criminality definition are analyzed. Author demonstrates the necessity to define the social problems as the process of collective interpretation of social conditions. Various strategies of criminality problem definition based on the analyzed data are shown.